

ИЗЪ ДНЕВНИКА
О. Іоанна Кронштадтскаго
ВЪ ОБЛИЧЕНИЕ ЛЖЕУЧЕНИЯ
ГРАФА Л. ТОЛСТОГО.

Издание В. М. Сюзорцова.

С.-ПЕТЕРБУРГъ.
Типографія «Колоколь», Невскій, д. № 127.
1910.

Изъ дневника о. Иоанна Кронштадтского—въ обличеніе душепагубнаго еретичества Льва Толстого.

Вместо предисловія (изъ письма въ Редакцію).

На-дняхъ я получилъ анонимное письмо отъ одного толстовца, въ коемъ онъ бранитъ меня за то, что я написалъ слабое опроверженіе толстовскихъ бредней, что я—пигмей, выступаю противъ колосса—Толстого и, имѣя только одинъ талантъ, хочу бороться на бумагѣ съ имѣющимъ десять талантовъ (Толстымъ)... Чтобы не оставаться предъ Толстымъ и его поклонникомъ въ долгу и отвѣтить обоимъ «сильнѣ», я рѣшился и еще кое-что напечатать,—вѣдь правда сильна и—защитить ее легко противъ борющихся съ нею, хотя бы и «колоссовъ»—толстовцы вѣдь воображаютъ себя колоссами, впрочемъ, не въ обиду будь имъ сказано,—на глиняныхъ ногахъ... И то правда, что Толстой—колосъ, но въ своей сфере, въ области литературы романической и драматической,—а въ области религіозной онъ—настоящій пигмей, ничего не смыслящій. И если я и еще скажу въ обличеніе Толстого и его товарищей, прошу ихъ не прогнѣваться за голову и рѣзкую правду. Я не хотѣль болѣе отвѣтить на безумные глаголы Толстого, но если меня рѣзко вызываютъ на это, то, по долгу предъ Истиной и Церковью, отвѣщаю, отдавая въ печать выдержки изъ моего дневника, заключающія мои мысли и чувства по поводу душепагубнаго Толстовскаго еретичества.

Нынѣшнее время есть время борьбы съ грѣхомъ, съ плотю страстью, міромъ, во злѣ лежащимъ, и діаволомъ, виновникомъ грѣха,—время обучения всякой добродѣтeli: вниманію себѣ, трезвенію, самоотверженію, бодрствованію, воздержанію, кротости, смиренію, незлобію, послушанію, цѣломудрію, снисхожденію къ ближнимъ, милосердію;—теперь не время покоиться и предаваться удовольствіямъ, ибо лукавые, злѣйшіе и хитрые враги наши—не усыпаютъ ни на минуту, и супостать наша—діаволъ, какъ рыкающій левъ, ищетъ кого поглотить (І Петр. 5, 8). Эту истину надо внушать всѣмъ христіанамъ всякаго званія, чина, пола и возраста, особенно учащемуся въ разныхъ заведеніяхъ юношеству. «Бдите и молитесь, да не внидите въ напасть», говоритъ Господь Своимъ ученикамъ и намъ то же Онъ говорить (Мо. 26, 41). А мы что дѣлаемъ? Дремлемъ и спимъ. «Спящимъ человѣкомъ прииде врагъ его и всѣя плевели посреди пшеницы и отвѣде» (Мо. 13, 25). Вотъ и Толстой усердно сѣть на пивѣ христіанскихъ сердцъ свое плевельное ученіе.

* * *

Завѣтъ Божій отвергли о себѣ толстовцы, а также и другіе еретики, раскольники, сектанты, всѣ нечестиво живущіе христіане. Какой завѣтъ Божій? Завѣтъ о спасеніи человѣческаго рода воплощеніемъ, крестомъ и смертю Сына Божія, завѣтъ о крещеніи всякаго человѣка для спасенія; завѣтъ о нуждѣ покаянія, причашенія Святыхъ Таинъ, принадлежности къ единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, завѣтъ о совершилеляхъ таинствъ христіанскихъ—настыряхъ. Всѣ пьяницы, прелюбодѣи, сребролюбцы, нераскаянные отвергаютъ завѣтъ Божій о себѣ и погибаютъ. Слезы у меня исторгли эти мысли!...

* * *

Писатели міра сего, несвѣтлющіе имало въ венцахъ Божественныхъ,—приидите съ довѣріемъ и научитесь у насъ, духовныхъ учителей: и мы научимъ васъ. Но вы не

пойдете, вы съ презрѣніемъ оттолкнете насть, вы не можете быть намъ преданы, ибо мы преподаемъ ученис «ис отъ міра сего», не отъ вашей мудрости.

* * *

«Къ кому идемъ?» спрашиваетъ себя Петръ съ прочими Апостолами. «Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной (Иоан. 6, 68). Се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебе идохомъ—что же будетъ намъ?»— (Мо. 19, 27). Господь обѣщалъ имъ паки-бытие и вѣчную славу и власть судить всѣ племена Израилевы (Мо. 19, 28). Толстовцы! куда же вы идете съ графомъ Толстымъ, своимъ учителемъ? Есть ли у него слова жизни? Не слова-ли безумія, невѣрія, хуленія, проклятія и смерти? Что же вамъ будетъ въ концѣ концовъ? Вѣчное проклятіе и погибель! Толстой въ своихъ дерзкихъ писаніяхъ мечтааетъ поразить христіанство и христіанъ, свести къ ничтожеству своимъ дерзкимъ отрицаніемъ и насмѣшками—содержимое вотъ уже почти ХХ вѣковъ св. вселенскою Церковью христіанство, которое прославлено отъ Бога вѣчною неувядаемою славою, которое проявило величайшую жизненность, силу, благотворность. Но онъ самъ себя бываетъ смертельно и своихъ послѣдователей, ибо лишилъ себя и ихъ; ибо, по отверженіи Спасителя, еретикамъ этимъ не остается болѣе жертвы за грѣхъ, но иѣкое страшное чаяніе суда и ревность отня, хотящаго поглотить противниковъ (Евр. 10, 27). Думаютъ ли объ этомъ разгордѣвшіеся толстовцы?—«Миѣ отмщеніе»,—говорить Господь, «Я воздамъ». (Рим. 12, 19).

О, Христе Боже, доколѣ Левъ Толстой будеть ругаться надъ Тобою и Церковью Твою? Доколѣ будеть соблазнять Россію и Европу? Опять онъ пинетъ хулы на Церковь и служителей ея, опять клевещетъ на насть всему міру!—Покажи, паконецъ, Владыко, всему міру адскую злобу его! Буди! Имъ увлечено въ ирелестъ и пагубу полъ-свѣта.—О, предтеча антихриста!

* * *

Желаете ли, православные, знать, что я думаю о Львѣ Толстомъ? А я вотъ что думаю и говорю: онъ объявилъ войну Церкви православной и всему христіанству. И какъ денница и сатана отторгнулъ своимъ хребтомъ третью часть звѣздъ небесныхъ, т. е. ангеловъ, и сдѣлалъ ихъ единомышленниками съ собою, такъ нашъ Левъ, сынъ противленія, носящий въ себѣ духъ его, своимъ «рыканіемъ и хвостомъ» (Откр. 12, 4) отторгъ тоже едва-ли не третью часть русской интеллигенціи, особенно изъ юношества, въ слѣдъ себя, въ слѣдъ своего безбожнаго ученія, своего безвѣрія.—Его безбожныя печатныя сочиненія свидѣтельствуютъ о томъ.

Развѣ собираютъ съ терновника виноградъ и съ тернія смоквы? По плодамъ ихъ познаете ихъ, говоритъ Господь (Лук. 6, 44). Терновникъ Россіи и всего христіанскаго міра есть русскій графъ Толстой, бывшій романистъ, а потомъ самозванецъ-богословъ, ни мало не смыслішій въ богословіи, нарядившійся въ одежду мужика, чтобы вдоволь насытиться надъ вѣрою его и Россіи и удобище привлечь и русскаго ли или иностранца недальновиднаго на свою сторону, къ образу своихъ мыслей, и удобище излить свой еретическій ядъ въ души ихъ.

Есть-ли какой отецъ, говоритъ Господь въ примѣрѣ, который, когда сынъ его попросить рыбы, подалъ бы ему скорпію (Мо. 7, 9)—Толстой именно это и дѣлаетъ. Онъ подносить змѣю вмѣсто рыбы и своему семейству, и всей Россіи, и христіанамъ всѣхъ странъ и языковъ. Онъ хочетъ вырвать у всѣхъ вѣру въ Спасителя, вѣру въ Троицу, въ Церковь и во всѣ спасительныя истины, въ которыхъ невозможно жить ни одному здравомыслящему человѣку.

Такъ, по выпущенной Львомъ Толстымъ (въ Мондонѣ) въ началѣ ноября 1902 г. безбожной статьѣ, озаглавленной: «Обращеніе къ духовенству», виденъ истый русскій романистъ, способный писать только романы съ мѣткимъ

анализомъ обыденной людской жизни и страстей человѣческихъ; но въ то же время до мозга костей пропитанный самомнѣніемъ и гордостю, барской спѣсью и ненавистю ко всему, что носить печать вѣры во Христа и въ Церковь, съ діавольскою злобою къ духовенству. Все сочиненіе состоитъ изъ предвзятыхъ ложныхъ мнѣній о духовенствѣ и его дѣятельности. Толстой хочетъ разрушить вѣру во все святое, таинственное, въ то, чѣмъ человѣкъ живетъ, спасается, утѣшается, укрѣпляется духомъ и тѣломъ; все, что носить печать истины непреложной:—вѣру въ Бога Троичнаго, въ сотвореніе міра, въ искупленіе человѣчества Сыномъ Божіимъ,—все это отвергаетъ, какъ сказку, подвергаетъ осмѣянію и хочетъ всѣ христіанскіе догматы переиначить по своему, вѣритъ только въ свой умъ, себѣ одному приписываетъ открытие истины и себя только признаетъ истиннымъ учителемъ. Но, увы, всѣ положенія у него ложны, а потому ложны и всѣ заключенія.

* * *

Толстой думаетъ, говорить и пишеть на почвѣ безбожія и полнаго отрицанія всего того святого, что носить въ себѣ печать богооткровенности; гордость, самомнѣніе, самообожаніе, презрѣніе къ Самому Богу и Церкви,—вотъ его первооснова; другого основанія у него нѣтъ. Предъ нами—софистъ, и несвѣдущихъ въ истинахъ вѣры, не испытавшихъ на себѣ спасительности вѣры Христовой легко можетъ онъ отвлечь отъ истинной вѣры и ввести въ пагубное невѣріе.

Въ оклеветаніи Церкви Толстой хочетъ найти себѣ самооправданіе, похвалу, какъ истаго героя правды,—и хочетъ всѣхъ отвлечь отъ Церкви, какъ сатана отторгъ отъ Бога трехъ ангеловъ. Прежде чѣмъ писать опроверженіе на это сочиненіе Толстого, нужно знать (проанализировать) то состояніе души Толстого, въ которомъ онъ пишеть свою завѣдомую ложь, которой онъ усиливается придать видъ истины.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ отлученія отъ Церкви онъ рѣшился забросать ее, сколько можно, грязью, и все священное писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, все богослуженіе, всѣ таинства и особенно духовенство всѣхъ церквей. Толстой, исказивъ смыслъ Евангелія, исказилъ смыслъ Ветхаго Завѣта и искашенія событий передаетъ въ насыщеннымъ тонѣ, подрывая въ читающихъ всякое уваженіе къ святому писанію; надѣвъ всѣмъ, что дорого для христіанина, на что онъ привыкъ смотрѣть съ дѣтства съ глубокимъ благоговѣніемъ и любовію, какъ на Слово Божіе, онъ дерзко насыщается.

Толстой переносить свои поруганія на духовенство, на Церковь, на св. Писаніе В. и Н. Завѣта и на Самаго Господа, и говоритъ: была-ли такая вредная книга въ мірѣ, надѣлавшая столько зла, какъ книга В. и Н. Завѣтовъ... Это прямо относится къ толстовскимъ сочиненіямъ, не было вреднѣе ихъ: Ренаны, Бюхнеры, Шопенгауеры, Вольтеры,—ничто въ сравненіи съ нашимъ безбожнымъ россіяниномъ Толстымъ. Написанное Толстымъ въ «Обращеніи»—съ точки зрењія христіанской—одно безуміе.

* * *

Можно ли говорить съ человѣкомъ умопомѣшаннымъ, потерявшимъ здравый смыслъ, здравую вѣру, отрицающимъ общепризнанную живую и животворную истину, отрицающимъ, что А есть А, или—дважды два четырѣ, не признающимъ Алѣфы и Омеги, съ человѣкомъ, признающимъ разумъ человѣческій, отуманиенный и извращенный грѣхомъ, за исходную точку вѣры и познанія? Невозможно! Таковъ именно и есть графъ Левъ Толстой, отвергающій откровенное Слово Божіе—Библію и Евангеліе и свой близорукій извращенный разумъ ставящій исходною точкою всѣхъ знаній, высшимъ Библіи и Евангелія, Библію и Евангеліе считающій за сказку, какъ и житія святыхъ.

Толстой въ области религіи показывалъ всю свою умственную тупость, все свое пресмыкательство по землѣ,

всю умственную мелочность, не могущую подняться ни мало на высоту религиозного созерцания. «Аще не увѣруете, нижѣ имате разумѣти», говоритъ Господь. Толстой, отвергнувшій вѣру въ Откровеніе, въ Бога, дѣйствительно, лишился возможности разумѣть дѣла Божіей премудрости.

Какъ могъ Левъ Толстой написать свое послѣднее грязное сочиненіе противъ истинной, святой, апостольской, спасительной, богопрославленной неисчисляемыми знаменіями и чудесами, и доселе прославляемой отъ Него Церкви? Да,—могъ, но только при совершенной потерѣ христіанской совѣсти.

Въ сочиненіи Толстого «Обращеніе къ духовенству»—все ложь и клевета беззастѣничивая, наглая, и изъ основныхъ ложныхъ положеній, какъ уже говорилъ, выводятся у него ложныя заключенія; словомъ, въ сочиненіи Толстого истина извращена, высочайшіе доктрины, неизрекаемые, спасительные, представлены въ тонѣ насмѣшилѣвомъ, ироническомъ; Толстой не вѣритъ въ истины, открытые Самимъ Богомъ и необходимыя для спасенія всякаго человѣка, а вѣритъ только въ человѣческій разумъ и въ совершенствованіе человѣка собственными силами, безъ благодати Божіей.

* * *

Надобно, чтобы всякий, даже не вѣрующій во Христа и Св. Троицу и въ таинства христіанской вѣры, обращался съ лицами и предметами вѣры честно потому, что вѣра есть сердечное, драгоценное сокровище безчисленнаго множества людей всякаго языка, націй, всякаго званія и состоянія, а не по свински, какъ Левъ Толстой, и кто изъ христіанъ равнодушно относится къ тому, кто хулитъ Христа, или Св. Троицу, искренно почитаемую избранными людьми всѣхъ вѣковъ, всякихъ націй, званія и состоянія,—тотъ недостоинъ званія человѣка, а таковъ именно Толстой и толстовцы, обращающіеся по свински съ неоцѣненнымъ, дражайшимъ Именемъ Господа Иисуса Христа, Св. Троицы, Богоматери, и съ досточтимыми Ихъ изобра-

женіями и всѣхъ Святыхъ. Скажетъ кто-нибудь, что печатно ругать человѣка, которому дана свобода слова и печати и который пишеть и печатаетъ, что придется ему на умъ, неприлично и не слѣдуетъ. А я спрошу и Толстого и его клевретовъ: поносить высочайшія Имена Троицы, Христа, Богородицы и Святыхъ, Св. Чудотворныя иконы и мощи и соблазнять народъ православный и не православный,—по нашему можно? Да, какому бы наказанію по закону долженъ подлежать и богохульный языкъ Толстого и его рука, пишущая богохульныя слова? По писанію: кто чѣмъ согрѣшаєтъ, тотъ тѣмъ и мучится. Толстой же безнаказанно богохульствуетъ, да еще и чтится, какъ старецъ знаменитый, какъ великий писатель, какъ родовитый графъ, и Львомъ Николаевичемъ зовется; какой онъ Левъ Николаевичъ? Онъ имени христіансаго не стоитъ. Потерпѣлъ-ли бы еврей, искренно вѣрующій въ Іегову, того, кто сталъ бы въ слухъ его относиться недостойно къ этому Св. Имени; или магометанинъ—того, кто въ слухъ его сталъ бы поносить Магомета, хотя Магометъ и не то, чѣмъ и кѣмъ его почитаютъ? А Толстой невозбранно поносить христіанскую вѣру и ея истинное святое и спасительное учение и ея святыя и животворящія таинства;—о, злодѣйство, достойное казни (ап. Іуд. 7—8)! Іудейскіе и римскіе законы казнили богохульниковъ и потому евреи кричали Пилату: «по закону нашему Христость долженъ умереть. Онъ Себе Сына Божія сотвори» (Іоан. 19, 7) (хотя Онъ и дѣйствительно Сынъ Божій), а Толстой предъ всѣмъ русскимъ народомъ и предъ всей христіанской Европой хулить Христа, Который открылся Сыномъ Божіимъ въ силѣ, по духу Святыни, отъ воскресенія изъ мертвыхъ; вѣровался въ мірѣ, оправдался въ духѣ, проповѣдался въ мірѣ, вознесся во славѣ (І Тимоѳ. 3, 16).

«Устами твоими буду судить тебя, лукавый рабъ», говоритъ Господь въ Евангеліи (Лук. 19, 22), и я скажу, отрицаніями твоими отрину тебя, Левъ Толстой, и хулы твои обращаю на тебя.

* * *

Толстой извратилъ весь смыслъ христианства, все понялъ на изнанку, ибо все можно лукавому уму и сердцу человѣческому извращать, называть свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ, сладкое горькимъ и горькое сладкимъ; прекрасное безобразнымъ—и наоборотъ; по подобію древнихъ софистовъ, Толстой отвергаетъ весь Символъ Вѣры, не вѣритъ ни въ Троицу, ни въ воплощеніе, ни въ чудеса Христовы, ни въ искупительная страданія Его, ни въ воскресеніе, ни въ вознесеніе на небо, ни во второе пришествіе Христово, ни въ будущій судъ, ни въ Церковь, ни въ крещеніе, ни въ воскресеніе мертвыхъ, ни въ жизнь будущую. Хочеть, чтобы люди не вѣрили Слову Божію, а вѣрили ему, самозванному учителю Толстому, или вѣрили одному человѣческому разуму, извращенному, помраченному, слѣпому, близорукому. Почему же вѣрить Толстому? Что онъ за авторитетъ! Кто знаетъ слѣпоту человѣческаго разума: какъ заблуждались люди до пришествія Христа на землю, какая была тьма невѣдѣнія истиинаго Бога, тьма идолъская. Какой свѣтъ разума возсиялъ съ пришествіемъ Христа на землю? Какой свѣтъ въ Евангеліи!

* * *

Левъ Толстой клонитъ всѣ свои разсужденія богохульныя къ тому, чтобы убѣдить, хотя недальновидныхъ и самомнительныхъ людей, что въ нашихъ познаніяхъ и изслѣдованіяхъ научныхъ всему голова—нашъ разумъ и мѣра его пониманія, и чего онъ не понимаетъ, хотя бы это былъ высочайшій и непостижимый предметъ нашей вѣры,—Господь Богъ,—того онъ и принимать не долженъ и въ то вѣрить не долженъ, какъ не подходящее подъ мѣрило разума, и что человѣкъ можетъ достигать совершенства безъ помощи Божіей (въ Бога онъ не вѣритъ), собственнымъ разумомъ. Но на себѣ самомъ Толстой показалъ, до чего можетъ дойти такой человѣкъ: онъ своимъ помраченнымъ отъ гордости и самомнѣнія разу-

момъ дошелъ до нелѣпыхъ и безсмысленныхъ положеній,—до невѣрія въ Бога Личнаго, Бога въ Троицѣ (Марк. 1, 10), въ сотвореніе міра изъ ничего, въ сотвореніе человѣка по образу и подобію Божію (Быт. 1, 27), въ первоначальную испытательную заповѣдь Творца или вступленіе Творца въ завѣтъ съ словесной тварью, разумно-свободною, нуждавшеся въ завѣтѣ и соблюденіи его,—въ вольное паденіе человѣка и дерзновенное разрушеніе завѣта и своей цѣлости душевной и тѣлесной, своего мира и блаженнаго состоянія; въ необходиимость искупленія Богочеловѣка, въ обѣтованія и пророчества о Немъ въ книгахъ закона Моисеева, въ приществіе обѣщанаго Спасителя, Его проповѣдь и все искупительное дѣло. Толстой дошелъ до отверженія абсолютныхъ исходимыхъ всеспасительныхъ истинъ, и погибнетъ во вѣки. Это—урокъ всѣмъ, довѣряющимъ слишкомъ своему разуму и не довѣряющимъ свидѣтельству самой Истины, Самому Иисусу Христу, преподавшему намъ истинное учение о Троицѣ, сотвореніи міра и человѣка, объ искушеніи и паденіи, о необходимости покаянія, причащенія Св. Таинъ, о воскресеніи мертвыхъ, о судѣ и вѣчной мукѣ и царствіи небесномъ.

* * *

Не вѣритъ Толстой поврежденію, растѣнію человѣческаго рода и каждого человѣка въ самомъ кориѣ (Адама и Евы), во глубинѣ существа, что человѣкъ самъ по себѣ безъ помощи Божіей не можетъ успѣть ни въ какой добродѣтели, что всѣ усилия его въ этомъ родѣ безъ помощи Божіей—тщетны, «безъ Мене, сказано, не можете творитиничесоже» (Иоан. 15, 5)—а вѣритъ, вопреки истинѣ и всегдашнему общему опыту, что человѣкъ самъ можетъ достигать совершенства, при помощи современной науки. Онасно, гибельно заблуждается Толстой и вводитъ въ заблужденіе юношество и вообще неутвердившееся въ вѣрѣ человѣчество, отводя его отъ Церкви, у которой истинный разумъ Божій, ибо сказано —

«мы умъ Христовъ имамы» (1 Кор. 2, 16), и навязывая сму свою ложь и называя се истиннымъ учениемъ.

* * *

Въ сочинениі Л. Толстого логическая ложь: ложно основаніе, ложны и слѣдствія. Ложно предложеніе, будто вселенскій символъ вѣры есть ложный (отъ Духа Истины прошедшій-то), что св. Троица не Троица, что Богъ не можетъ быть единъ въ Троицѣ, ложно предложеніе, что Сынъ Божій не воплотился и не былъ Спасителемъ человѣческаго рода: не воплощенъ, не крестился, не страдалъ, не умиралъ, не воскресъ, не вознесся на небо, не придетъ судить, что не будетъ воскресенія, второго пришествія; ложно, что нѣтъ третьяго лица—Духа Святаго что Церковь не истинна, а ложна и т. д.—всѣ эти предложенія ложны и всѣ выводы ложны; ложь, что доктрины вѣры преподаются въ такомъ возрастѣ, въ которомъ дѣти не понимаютъ ничего, что напрасно учить ихъ будто бы безсмыслицѣ, будто бы сказкамъ, или будто бы напрасно простой народъ учить, ничего не понимающій, или котоа рому некогда этимъ заниматься; ложно предложеніе, что Библія—сказка, Евангеліе—тоже, ложно предложеніе, что Богъ, страшно и выговорить, сердится (гневается праведно—другое дѣло), что Онъ несправедливъ; ложны и посылки, будто не будетъ воздаянія, не будетъ вѣчной муки грѣшникамъ нераскаяннымъ. Ложно и то положеніе, что Церковь и духовенство проповѣдуютъ ложь, нелѣпость. Вотъ Толстой, дѣйствительно, проповѣдуетъ явную ложь и его слушать нельзя, ему вѣрить, какъ злонамѣренному лжецу,—пагубно. Онъ—преднамѣренный, злонамѣренный лжецъ и то, что онъ утверждаетъ о предметахъ вѣры нашей, все ложно.

* * *

У Толстого въ головѣ нѣтъ ни алфы ни омеги, ни разумнаго личнаго Творца, ни твари, ни грѣха, ни добро-дѣтели, ни паденія, ни возстанія человѣческаго, ни Спасителя, ни спасаемыхъ; никакой связи въ мірѣ и человѣ-

ческомъ родѣ, ни исторической, ни логической, ни предметной, истинный во всемъ хаосъ. Онъ не признаетъ священства, богооткровенного сказанія о началѣ міра и человѣка и жизни человѣческаго рода до потопа и послѣ потопа, не вѣритъ въ сказаніе о потопѣ и жизни людей послѣ потопа; не видитъ цѣли потопа, не признаетъ нравственнаго закона и Законодателя и Судіи человѣческаго рода и каждого человѣка въ отдѣльности; все онъ отвергаетъ, все считаетъ за сказку: связь Ветхаго Завѣтъ съ Новымъ и премудрый, праведный и всеблагій судьбы Божіи въ человѣческомъ родѣ,—постепенное приготовление людей къ принятію обѣщаннаго Мессіи—Спасителя чрезъ обѣтованія, пророчества и прообразованія,—пришествіе въ міръ обѣщаннаго Спасителя, Его безсѣменное рожденіе отъ Духа Св. и Дѣвы Маріи, словомъ, отвергаетъ Богочеловѣчество Христа и всѣ доктрины христіанской вѣры. Съ такимъ невѣромъ, ослѣпившимъ себя добровольно, говорить серьезно ни о чёмъ святымъ нельзя.

«Никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ и ему же аще волитъ Сынъ открыти» (Мо. 11, 27),—читаемъ во св. Евангеліи. Безъ откровенія Божія падшій умъ человѣческій не можетъ познать таинство Святой Троицы. И Богъ вѣрующимъ въ простотѣ сердца открываетъ эту тайну, насколько можно открыть это непостижимое естество. Толстому, по его гордости, лукавству и безвѣрію, не открыта эта тайна и онъ не вѣритъ ей и глумится надъ ней. Онъ, въ своей богохульной брошюрѣ, все дорогое, святое, праведное утѣшительное, спасительное, просвѣтительное,—все, чѣмъ живеть, дышеть, крѣпится душа христіанская, все отнимаетъ и самъ на мѣсто отнятаго ничего не даетъ, и оставляеть душу въ хаосѣ, пустотѣ, мракѣ, въ состояніи безутѣшномъ и безпросвѣтномъ. Это вольное сумасшествіе; у него, Толстого, почираніе всѣхъ законовъ мышленія,—всякой истины и правды, у него катаринская, полная безстыдства, хитросплетенная, насмѣшиливая надъ ишней святыней ложь.

Толстой въ своемъ Обращеніи дерзко вызываетъ на состязаніе съ собою папъ, кардиналовъ, епископовъ, суперинтендентовъ, священниковъ, пасторовъ и все христіанское духовное сословіе и обличаетъ всѣхъ ихъ въ тенденціозной лжи и обманѣ; онъ утверждаетъ, что правда только у него, у Толстого; что у него и только у него, истинный разумъ, у него только нужно учиться истинѣ,— что вся Біблія, все Евангеліе—ложь, что вся церковная исторія, все ученіе церковное, всѣ соборы, всѣ вѣроопределѣленія, всѣ каноны вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ—преднамѣренный обманъ. Милостивые государи и милостивыя государыни, мужескій и женскій полъ рода христіанскаго! Васъ всѣхъ хочетъ одурачить Толстой. Но вѣдь мы въ здравомъ умѣ, въ здравомъ смыслѣ, вся наша прожитая жизнь, наше сердце увѣряютъ насть, что мы знаемъ истину, что мы обрѣли вѣру истинную и спасаемся ею, утѣшаемся ею, и чаемъ жизни будущаго вѣка.— Чѣмъ же этотъ самозванецъ Толстой увѣритъ насть, что будто бы на его сторонѣ истина. Нѣтъ, Толстой—полный невѣжды въ отношеніи религіи. Онъ не знаетъ премудраго плана божественнаго домостроительного спасенія рода человѣческаго, не допускаетъ паденія первыхъ людей въ грѣхъ и не вѣритъ въ растлѣніе и омраченіе грѣхомъ всего рода человѣческаго, не вѣрюетъ въ пѣступство Божіе надъ падшимъ человѣчествомъ въ продолженіи тысячелѣтій и искупленіе его воплотившимся Сыномъ Божіимъ, и все то, что отвергаетъ Толстой, именно, религіозное обученіе дѣтей и знаніе ими исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, особенно нужно, какъ для Толстого, такъ и для всѣхъ дѣтей, а онъ, Толстой, этого-то, необходимаго, этой-то азбуки христіанской не знаетъ и являетъ собой религіознаго невѣжду, хотя нельзя не признать его романистомъ, а вмѣстѣ и ловкимъ извѣстнымъ краснобаевъ, умѣющимъ слагать красивыя по наружности и увлекающія недальновидныхъ въ анти-богословскія сѣти. Здѣсь съ Толстымъ, какъ съ умопомѣшаннымъ, у котораго *idée fixe*, нельзя говорить; онъ вѣритъ только въ себя и въ подоб-

ныхъ себѣ людей съ предвзятыми, какъ онъ, мыслями; здѣсь у него діавольская неисправимая гордость, и онъ умретъ съ нею. Ими же вѣси судьбами, Ты Самъ, долготерпѣливыи Господи, спаси сего, помраченаго!

* * *

Я говорилъ ужѣ, что Толстой дышетъ непримиримою ненавистью къ Церкви и ея органамъ—священнослужителямъ; не признаетъ ихъ божественного права учить, священнодѣйствовать, руководить вѣренное имъ словесное стадо къ добродѣтели и къ Богу,—отвергаетъ истину и спасительность ихъ ученія; не признаетъ богооткровеннымъ ученіе Церкви; признаетъ нелѣпое равенство всѣхъ людей, не допускаетъ подчиненности младшихъ старшимъ, подчиненныхъ начальству, вѣрноподданныхъ Царю, словомъ—производить какую-то сутолоку и сбивчивость во всемъ, и, отвергая все, вмѣсто отвергнутаго, онъ ничего не даетъ, оставляя людямъ только разумъ, который такъ извѣстенъ по своимъ нелѣпымъ заблужденіямъ чрезъ всѣ прошедшия тысячелѣтія, и утверждая, что люди могутъ дойти до совершенства своимъ разумомъ. Всѣ и дошелъ Толстой до абсурда, до неслыханной гордости и дерзости, отвергнувъ все богооткровенное, спасительное, христіанское ученіе и Богомъ основанную на землѣ Церковь.

Толстой—неслыханная гордия и дерзость воинственная. Онъ унижаетъ всѣхъ папъ, кардиналовъ, митрополитовъ, епископовъ, суперинтендентовъ, насторовъ и священниковъ и судить ихъ, себя-же ставить судью всѣхъ; обличаетъ всѣхъ, какъ ложныхъ проповѣдниковъ и учителей, обманщиковъ, и проповѣдующихъ то, во что будто бы они сами не вѣрятъ, и только притворяются будто вѣрятъ. Вотъ ужъ, что называется, съ болѣй головы на здоровую. А сколько есть искренно вѣрующихъ между новѣрными духовными особами, не говоря о лицахъ православнаго духовенства. Оглушенный отъ Церкви, Толстой еще болѣе возненавидѣлъ ее и ея служителей.

* * *

Левъ Толстой глумится надъ всѣми христіанскими вѣрованіями, оскорбляетъ христіанъ всѣхъ вѣковъ, глумится надъ всѣми святыми патріархами, пророками, апостолами, святителями, мучениками, преподобными и праведными, и надъ самою Матеріею Божіею, честнѣйшею Херувимовъ и славиѣйшею безъ сравненія Серафимовъ, надъ всѣмъ христіанскимъ міросозерцаніемъ. Левъ Толстой еретикъ злѣйшій и дерзостнѣйшій изо всѣхъ бывшихъ еретиковъ. Все св. Евангеліе, вся православная христіанская вѣра и Церковь носятъ сами въ себѣ доказательство происхожденія своего отъ Бога, и въ нихъ самихъ заключается «ей и аминь»,—онѣ суть духъ и животъ. «Не хотите ли вы отойти отъ Меня» (Іоан. 6, 67), спросилъ Господь Богъ Своихъ учениковъ, когда многіе изъ нихъ, соблазнившись Его ученіемъ, повидимому, несовмѣстнымъ съ ихъ понятіями и привычками, ушли отъ Него. А Петръ отвѣчалъ: «къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной». Такъ и мы, испытавши всю жизненность, всю душеспасительную сладость нашей вѣры и церкви, говоримъ съ полною увѣренностю, съ полнымъ убѣждѣніемъ сердечнымъ: къ кому мы пойдемъ кромѣ Тебя, Господи?—Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной. Только у Тебя источникъ живота, только въ Твоемъ свѣтѣ мы увидимъ свѣтъ, а кромѣ Тебя ни у кого не найдемъ, и, конечно, тѣмъ менѣе—у Ільва Толстого, блуждающаго, погрязшаго въ непроницаемой тьмѣ заблужденій.

* * *

Два слова о необходимости учить дѣтей священной исторіи. Ученіе о правой спасительной вѣрѣ, о грѣхопаденіи первыхъ людей, о растлѣніи грѣховъ всего человѣческаго рода, обѣ искунительномъ дѣлѣ Спасителя необходимы въ самой доступной формѣ для всѣхъ, и особенно для дѣтей. Первое, что нужно внушить дѣтямъ—это ученіе о Богѣ-Творцѣ и Спасителѣ, а этого-то и не допускаетъ нашъ безбожникъ. Графъ Толстой предъ

вляеть изъ себя примѣръ полнаго невоспитанія въ хри-
стіанскомъ смыслѣ, избалованаго барина еще въ младен-
чествѣ; не всѣмъ-жъ и воспитываться на манеръ этого
любимца судьбы, родившагося въ сорочкѣ, въ знатномъ
и богатомъ домѣ; не всѣмъ же и быть графами, съ его
недюжиннымъ умомъ, который достоинъ быль-бы лучшей
дѣятельности; не всѣмъ-же писать и пресловутые романы
«Войну и миръ» и «Анну Каренину», безъ которыхъ, въ
самомъ дѣлѣ, человѣчество легко-бы могло обойтись и
не чувствовать въ нихъ ни малѣйшей потребности, а
учить дѣтей въ простой, доступной формѣ библейской и
церковной исторіи о Богѣ въ Троицѣ славимомъ, какъ о
Творцѣ міра и человѣка, и общемъ всѣхъ Промыслителѣ
и Спасителѣ, о сотвореніи человѣка и всѣхъ тварей, о
грѣхопаденіи человѣковъ и наслѣдственной порчѣ грѣ-
ховной всего человѣческаго рода, о явленіи въ мірѣ обѣ-
щанаго Спасителя, о Его житіи, ученіи, чудесахъ, о спа-
сительныхъ Его за насть страданіяхъ, искупительной смерти,
воскресеніи Его изъ мертвыхъ—есть необходимость и
общая потребность для всѣхъ христіанскихъ дѣтей,—и
отъ того именно, что Левъ Толстой не былъ наученъ
этимъ элементарнымъ христіанскимъ истинамъ, онъ и вы-
шелъ такимъ злымъ, рыкающимъ на вѣру и церковь Хри-
стову, лѣвомъ, ищущимъ кого поглотить (и проглотилъ,
къ несчастью, многихъ). Не стань мы учить дѣтей съ
иѣжнаго возраста ученію вѣры и страху Божію,—и въ
нихъ, по причинѣ общей грѣховной порчи человѣческаго
рода, разовьются и укрѣпятся всякие грѣховные инстинк-
ты—злость, капризы, своенравіе, непослушаніе, непокор-
ность, зависть, гордость, лѣпость къ молитвѣ и благоче-
стію, холодность къ Богу и церкви Божіей, ложь, обманъ,
хитрость и лукавство, плотскіе тайные грѣхи и подобные.
Что же выйдетъ изъ нихъ? Какія чада, какіе отцы и
матери, какіе сыны отечества, подданные и слуги царя,
какіе заступники отечества, какіе писатели, какіе вѣрно-
подданные чиновники и органы разныхъ административ-
ныхъ вѣдомствъ, какіе землемѣльцы, какіе мастеровые?

Люди безъ страха Божія, безъ совѣсти, безъ гражданской честности и вѣрности, съ всякими дуриыми наклонностями. Только вѣра и страхъ Божій держать человѣка на высотѣ его христіанскаго и гражданскаго достоинства; отнимите у него вѣру и страхъ Божій и вы не увидите нигдѣ честныхъ самоотверженныхъ людей, людей долга, честной службы, преданныхъ царю и отечеству; тюрьмы наполнятъся всякими преступниками, и вы приготовите паденіе общества и государства. Правда возвышаетъ народъ и и умаляютъ племена грѣхи, говоритъ Премудрый.

* * *

Въ своей гордыни и вольнодумствѣ Толстой отвергаетъ и разрушаетъ два божественныхъ Завѣта—Ветхій и Новый и всѣ совѣты Божіи о спасеніи рода человѣческаго пренебрегъ и ни во что поставилъ и все премудрое, все благое и праведное смотрѣніе Божіе о насъ презрѣлъ, какъ не сущее. А потому и Богъ разрушитъ тебя до конца и память твою истребить отъ земли живыхъ.. Ты говоришь, Толстой, что дѣтямъ не слѣдуетъ преподавать законъ Божій и что они не понимаютъ будто-бы дѣлъ Божіихъ; но они мудрѣе тебя, ибо сказано: «изъ устъ младенцевъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу» (Мо. 21, 16). Фарисеи и книжники хулили Господа, какъ и ты нынѣ, Левъ Толстой, а незлобивыя дѣти разумно и чистосердечно хвалили. Что ты на это скажешь, Толстой? Или скажешь, что это сказки, басни не больше? Да?

Изъ богохульныхъ писаній графа Толстого видно, что всеспасительная христіанская вѣра нимало не коснулась его гордаго, невѣрующаго сердца, нимало не воздѣйствовала на него благотворно и онъ остался истымъ безбожникомъ. «Утанилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси то (тайство вѣры) младенцамъ» (Мо. 11, 25).

Толстой глумится надъ Священнымъ Писаніемъ Ветхаго и Нового завѣтовъ, которое есть непреложная святыня для всѣхъ христіанскихъ народовъ, и надъ преподава-

ваніемъ его дѣтіямъ или простому народу, будто-бы не-
понимающему этой исторіи, хотя это нелѣпо, а самъ про-
повѣдуетъ вздоръ и нелѣпину и хочетъ, чтобы его бред-
ни, его безбожные мысли заучивали дѣти и простой на-
родъ и такимъ образомъ сдѣлались бы всѣ безбожни-
ками и нравственными дикарями, хуже древнихъ и ны-
нѣшнихъ язычниковъ, кланяющихся куску дерева, или
приносящихъ жертвы идоламъ, какъ будто отъ нихъ
(идоловъ) зависитъ все ихъ благополучіе.—Толстой са-
мымъ низкимъ образомъ смѣется надъ русскимъ "народомъ",
желая всѣхъ привести въ состояніе дикости и всѣхъ от-
влечь отъ праотеческой, спасительной вѣры, словомъ, хо-
четъ всѣхъ вести за собой въ адъ, думая: погибать, такъ
погибать всѣмъ, а не мнѣ одному. Ваше сіятельство, ужъ
лучше идите одни вашей широкой дорогой, ведущей на
дио адово. Зачѣмъ-же другихъ-то за собою вести? Вѣдь
подобныхъ тебѣ безъ того много, много. Широки врата, ве-
дущія въ пагубу, и многіе идутъ ими вслѣдъ за тобой.

Толстой отвергаетъ Ветхій завѣтъ и пророковъ, тогда
какъ исполненіе пророчествъ на Иисусѣ Христѣ неопро-
вержимо доказываетъ Его богочеловѣческое достоинство
и спасительность вѣры Христовой и насажденнай Имъ на
землѣ церкви; словомъ—Толстой все отвергаетъ и Ветхій
завѣтъ и Новый завѣтъ и при ложныхъ положеніяхъ вы-
водить ложныя заключенія.

* * *

Толстой отвергаетъ начало всѣхъ вещей—Слово Бога
Отца, Сына Божія, Имѣе вся быша, Который есть Алѣфа
и Омега—начало и конецъ (Откр. 1, 8).

Толстой, отрицая Личного Тріиностаснаго Бога, все-
благого, безначального, присносущнаго, премудраго, пра-
веднаго, святаго, блаженнаго, всесовершеннаго, всемогу-
щаго, допускаетъ только таинственное, безличное нача-
ло, давшее жизнь человѣку (странны, какъ безличное суще-
ство дало начало личному—это абсурдъ Толстовскій), не
допуская Его правосудія, должностнующаго карать дерз-

кихъ хулителей Его святости и правды, напр. того же Льва Толстого, провозглашающаго на весь міръ, что Богъ есть виновникъ зла.

Назначеніе человѣка—вѣчнай жизнъ съ Богомъ и въ Богѣ (Филип. 1, 23); но Богъ никого че приметъ въ со-житіе съ Собою, кто не покается и не оставитъ пристра-стія ко грѣху; «не преселится къ Нему лукавнуй», иже пребудутъ беззаконици предъ очима Его» (Пс. 5, 5—6), говоритьъ Псалмопѣвецъ Давидъ. «Кое общеніе свѣта ко тѣмъ, правдѣ къ беззаконію» (Кор. 6, 14). И какъ мы всѣ грѣшны, то всѣ должны покаяться и грѣхъ возиена-видѣть и отъ грѣха отстать, грѣху не работать. И чтобы отстать отъ грѣха, не работать грѣху, мы получили отъ Бога всякіе силы и способы: свободную волю, природный разумъ, одобряющую добро совѣсть и осуждающую зло; особенную благодать Божію въ крещеніи и миропомаза-ніи, въ покаяніи и причащеніи; имѣемъ богодарованный постъ; умилительное, располагающее къ покаянію, бого-служеніе; живое и дѣйственное Слово Божіе; поученія пастырей; законы гражданскіе, содѣйствующіе правильному теченію общественной жизни. Итакъ, Богъ никого не приметъ къ Себѣ со грѣхомъ. Это мы всѣ должны твердо помнить; никакого гордена, никакого невѣрующаго, въ родѣ Л. Толстого или толстовцевъ, никакого предающаго за-висти, блуду, невоздержанію, чревоугодію и пьянству, никакого тата, лихомимца и корыстолюбца, никакого предающаго смѣху, ибо сказано: «горе вамъ смѣющимся, ибо возры-дасте и восплачите» (Лук. 7, 25).

* * *

Тварь не иначе можетъ существовать и благоденство-ваться, какъ соблюдая твердо законы Творца. Посмотри на природу, на небо, солнце, луну и звѣзды, на землю, на всю тварь, какъ она точно соблюдастъ законы Творца. Левъ Толстой отвергъ Творца и вычеркнулъ изъ русскаго языка слово тварь, потому что не признаеть, что твари суть твари, сотворенные личнымъ разумнымъ Началомъ.

* * *

Верхъ дерзости Толстого заключается въ томъ, что въ виду близкой смерти своей онъ не боится Бога и суда Его и считаетъ себя правымъ, какъ и своихъ учениковъ, и богохульству своему не полагаетъ никакой мѣры; ужъ хулить, такъ хулить до конца, ужъ безумствовать, такъ безумствовать до конца! Геройство—чисто сатанинское, да еще и въ превосходной степени, ибо и самъ сатана боится Бога и трепещетъ уготованныхъ ему мученій, а ученикъ его превзошелъ и своего учителя.—Вотъ финалъ «Войны и мира» и «Анны Карениной» и прочихъ писаний Льва Толстого!

* * *

Какая превознесенная гордыня! Знай нашего Льва, вышедшаго изъ Ясной Поляны и крѣпко рыкающаго не только на всю поляну, но на весь міръ. Крѣпкая пасть; могучіе нерви. И это—на краю гроба-то! А за гробомъ что будетъ? Весь адъ пробудится. Всѣ фараоны встанутъ и Рефаймы проснутся; всѣ Нероны, Калигулы, Деціи, Доміціаны, Юліаны,—всѣ гонители Христа и христіанства, и скажутъ: ай, русскій Левъ послѣднихъ временъ; ты и нась далеко превзошелъ; и изъ христіанъ вышелъ надменнѣйшій, и лукавнѣйшій гонитель воспитавшей тебя Матери-Церкви. Присоединись же къ намъ на вѣки и пей чашу, которую ты себѣ приготовилъ, сгорай въ огнѣ негасимомъ, уготованномъ отцу твоему, діаволу, которому ты усердно служилъ.

* * *

«Всякъ, падый на камень тотъ сокрушится, а на немже падеть, сотреть его» (Мо. 21, 44). Нечистая волна—Толстой—приразился дерзко къ несокрушимому Камню-Христу, и разлетѣлся вонючими брызгами, обрызгавшими зловонною грязью всѣхъ послѣдователей его.

Послѣдователи Толстого всѣ неговѣющіе и непричащающіеся—такъ называемые ученые вѣка сего—вольнодумцы, считающіе себя за сверхъ-человѣковъ. Да и самъ

Толстой есть гнилой плодъ западной вольнодумной учености. Миръ во злѣ лежитъ и ласть на Бога своего.

* * *

Ученикъ реального училища—невѣрующій вслѣдствіе зачитанности Толстымъ. Учитель земской школы—невѣрующій по причинѣ увлеченія Толстымъ, но желающій быть вѣрующимъ. Ядъ ученія Толстого въ семействахъ; матери и отцы плачутся на своихъ дѣтей невѣрующихъ, бросившихъ Церковь и непокоряющихся и непочитающихъ родителей; дѣвушки—курсистки невѣрующія и воюющія за Толстого; сотрудники либеральныхъ газетъ, въ родѣ Астраханской, ополчающиеся за Толстого и ругающіе насъ.

Утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ (Толстого и подобныхъ ему писателей) и открылъ еси та младенцемъ. Яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою (Мо. 11, 25). Горе, иже мудры въ себѣ самихъ и предъ собою разумны. Не обратилъ ли Богъ премудрость міра сего въ безуміе (1 Кор. 1, 20). Ибо когда миръ не уразумѣль своею мудростію Бога въ премудрости Божіей, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ (1 Кор. 1, 21).

* * *

Толстой не могъ познать въ своей суетной мудрости Бога въ премудрости Его, но совсѣмъ оглушилъ, приомраченности, возмнилъ себя мудрымъ, и возгордился паче всякаго, глаголемаго Бога или чтилиша, яко же сѣсти ему въ церкви Божіей, яко Богу, показуя себя, яко Богъ есть (2 Фесс. 2, 4), ибо, отвергнувъ Евангеліе, понуждаетъ всѣхъ вѣрить себѣ, какъ Богу. Поймите же его вы, интеллигенты: вѣдь онъ, прежде всего, васъ самихъ дурачитъ, надѣть вами смеется?

* * *

«Видалъ-ли ты человѣка мудраго въ глазахъ его? На глупаго большие надежды, нежели на него» (Причт. Соломона 26, 12). Левъ Толстой, всю жизнь занимаясь исключительно свѣтской литературой, а духовной—только

критически и скептически, съ предвзятыми не въ пользу и не въ покореніе Слову Божію пріемами, а въ пререканіе и хуленіе его, не зная настояще богослуженія церковнаго,—впалъ въ религіознос одичаіе, тупость и несмысле относительно всего духовнаго, по внушенію діавола, палъ невѣріемъ, глумленіемъ надъ всѣмъ, что носятъ печать церковнаго и божественнаго, надъ всѣмъ богослуженіемъ, таинствами, обрядами, священными одеждами (отъ Бога установлены въ Ветхомъ Завѣтѣ).

Такъ и всѣ последующіе ему въ невѣріи въ истиннаго Бога и въ Свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ интеллигенты и писатели свѣтскіе впали въ дикость и несмысле духовное; ибо Богъ утаиваетъ Свою премудрость отъ премудрыхъ и разумныхъ міра сего, какъ недостойныхъ, и открывается се простымъ вѣрующимъ душамъ.

* * *

Господи, къ кому идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаши.—Нѣтъ иного имени подъ небесами, даннаго въ человѣцѣхъ, о Немъ же подобаетъ спастись намъ... (Дѣян. 4, 12). Сей есть всѣхъ Господь. Единственный источникъ жизни—Господь и Церковь Его.

Къ кому памъ идти, спрашиваютъ современные интеллигенты? Къ Толстому, къ Толстому пойдемъ, и идутъ къ иныишишему идолу—Толстому и у него, а не у Христа, изъ его богохульствъ, хитросиленій учатся жизни, хуленіямъ на Св. Церковь и Ея Спасительныя Таинства.—Въ этомъ я убѣдился самъ.

Если кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, то, по слову Божественнаго Учителя, лучше было бы для него, если бы навѣсили ему жерновъ на шею и бросили его въ глубину морскую (Мо. 18, 6). Левъ Толстой соблазнилъ и продолжаетъ соблазнять десятки тысячъ людей, печатая и разсылая во множествѣ свои богохульныя писанія, съ цѣлью соблазнить особенно учащуюся молодежь, преимущественно средняго и высшаго образованія, и ими от-

равлено множество юношей и девицъ! Чего же по правосудію Божію заслуживаетъ нашъ русскій еретикъ, сколькихъ казней? А чего заслуживаютъ и попускающіе ему распространять свои гибельныя брошюры и дающіе ему полную волю говорить, что захочеть? Многіе погибнутъ чрезъ Толстого, участвовавшіе въ попустительствѣ ему.

* * *

У тебя, Левъ Толстой, пособниковъ много для твоего гибельного ученія. Во первыхъ, самъ князь тьмы, иже есть діаволь и сатана, обольщающій всю вселенную. Толстой не вѣритъ въ злыхъ духовъ, коихъ онъ называетъ чертами; а они-то его и научили и учатъ съ юности и доселе лѣ всякому грѣху, всякой лжи и неправдѣ; они-то его и научили отвергать Откровеніе, Бога въ Троицѣ, Христа Спасителя, Церковь, Богородицу, Святыхъ и идти напрекоръ всякой истинѣ; они-то и производятъ весь сумбуръ въ его головѣ; они-то и научаютъ людей всякому грѣху; отъ ихъ-то лжи и пришелъ спасти людей вѣрующихъ Христосъ, отъ ада, уготованного имъ и ихъ слугамъ; они-то и встрѣтятъ Толстого по смерти, которая ждетъ его съ нетерпѣніемъ и они-то съ жадностю готовы схватить, съ скрежетомъ зубовинымъ и съ хохотомъ страшнымъ Толстого и подобныхъ ему. Слышите всѣ христiane!

Во-вторыхъ, пособники твои, Левъ Толстой, все тебѣ подобные, въ родѣ Черткова и множества русскихъ перечекъ, подобныхъ тебѣ и совращенныхъ твоимъ безсмысленнымъ ученіемъ. Въ-третьихъ, пособляютъ тебѣ твоя старая нечистая ветошь, наслѣдованная тобою отъ твоего отца,— я разумѣю тѣ дрожжи лукавыя, на коихъ ты зачался и образовался въ типѣ человѣка,— то уродливое нравственное неразвитіе и та среда, въ которой ты выросъ, то безвѣrie и та безцерковность, въ которыхъ ты живиша и своевольничалъ. Невозможно наслѣдовать царствіе Божіе людямъ, неуготовавшимъ себѧ для него вѣрою, покаяніемъ и исправленіемъ, добродѣтелью. Вспомни

притчу о званныхъ на вечерю.—«Ии единъ мужей тѣхъ званныхъ вкусить Моей вечери (Лук. 14, 24); ибо много званныхъ, а мало избранныхъ» (Мо. 22, 1—14).

* * *

Левъ Толстой играетъ въ сурдинку и идетъ противъ здраваго смысла человѣческаго, противъ всякаго логическаго закона, лишь бы только излить свою желчь на Христа, на вѣру Христову, на церковь. Каکъ онъ низокъ, не лѣпъ въ своихъ разсужденіяхъ. Ниже этого упасть нельзя, безсмыслиниѣ Толстого нѣтъ, кажется, никого. Прочтите безиристратно его послѣднюю брошюру и убѣдитесь. До чего дошелъ авторъ «Войны и мира»! Вошедши въ незнакомый ему, чужой огородъ, онъ сломилъ себѣ шею съ головой. Затѣмъ дошелъ до сумасшествія, до абсурда! «Отвергающій Меня и не принимающій словъ Мояхъ имѣеть судъ себѣ; слово, которое Я говорилъ, оно будетъ судить его въ послѣдний день» (Иоан. 12, 48).

* * *

Хула на Духа не простится человѣкамъ. Если кто скажетъ слово на Сына Человѣческаго, простится ему, если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ. Или признайте дерево хорошимъ и плодъ его хорошимъ; или признайте дерево худымъ и плодъ его худымъ; ибо дерево познается по плоду. Порожденія ехидны, какъ вы можете творить добро, будучи злы. Ибо отъ избытка сердца говорять уста. Добрый человѣкъ изъ доброго сокровища выносить доброе; а злой человѣкъ изъ злого сокровища выносить злое. Говорю же вамъ, что за каждое праздное слово, какое скажутъ (или напечатаютъ, напишутъ) люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда (Мо. 12, 31—36). Толстой хулитъ христіанскую вѣру и Церковь. Но каکъ поднимается у человѣка языкъ—хулитъ то, что истинно, прекрасно, жизненно, спасительно? Дерево познается по плодамъ: какие же плоды принесла христіанская вѣра? Самые добрые плоды, о чёмъ свидѣтельствуетъ вся исторія церкви.

* * *

Свѣтскіе писатели только въ землю смотрятъ и выше земли не поднимаютъ сердечнаго ока своего; но человѣкъ сотворенъ преимущественно для небеснаго, а не для земного только, и его станъ и тѣлесныя очи обращены къ небу. Писатели мірскіе слишкомъ односторони и не полны,— и, когда захотять говорить о предметахъ вѣры, то говорятъ большею частію только для того, чтобы глумиться надъ ними и толковать ихъ по своему одностороннему, ошибочному разумѣнію, какъ графъ Толстой и подобные ему. Какъ возможенье Толстой въ наше время? какъ возможеть такой писатель? такой сумасбродъ? такой ревидivistъ? Какъ возможны такія похуленія на все святое, чѣмъ дорожитъ человѣкъ больше своей жизни?

* * *

Кто же этотъ Толстой, которой диктаторски судить всѣхъ и самъ себя ставить выше общаго суда, приссыпая себѣ какъ бы божескую непогрѣшимость! Кто этотъ дерзко посягающій своимъ судомъ на здравый, правый, чистый смыслъ всего избраннаго, умудреннаго Богомъ и чистою, высокою жизнью человѣчества и смѣющійся надъ непреложными истинами, общедоказанными, животворными, твердыми, какъ неподвижная скала и какъ столпъ, твердо водруженный! Это—человѣкъ, духовно ни мало не воспитанный, пролетарій мысли и нравственной расшатанности отъ самой юности, какъ и самъ онъ признается, человѣкъ совершенно несвѣдущій въ религіозныхъ истинахъ, нигилистъ до мозга костей, не вѣрующій ни въ кого и ни во что, кромѣ себя самого, какъ русскаго графа, прославленнаго писателя; онъ утверждаетъ, напр., что Россія не должна воевать ни съ кѣмъ и проливать чью-либо кровь, кромѣ того только случая, когда разбойники нападутъ на него, графа Толстого, или на Ясную Поляну,—тогда правительство должно защищать Поляну силою оружія и пролить солдатскую кровь, чтобы не пролилась графская кровь на Ясной Полянѣ, такъ какъ

она всегда имѣла видъ и свойство ясной, а не мрачной познаніи. Какъ вы думаете, въ здравомъ ли умѣ такъ разсуждающій графъ по фамиліи Толстой! Вы не браните меня за эту пропаю; я вовсе не хочу иронизировать, но слова его сами собою вызываютъ на то; я говорю только правду. Не потерялъ-ли только Толстой изъ виду законовъ здраваго мышленія! Повидимому, такъ, Левъ Николаевичъ! Вы шутите однако ужъ слишкомъ надъ здравымъ общечеловѣческимъ смысломъ. Помилуйте, вы своей львиною лапою бываете по лицу и пальцамъ, и кардиналовъ, пасторовъ, священниковъ, и всѣ опи, по вашему, обманщики, негодяи, а вы человѣкъ праведный, искреній, якобы правду говорящій всѣмъ духовнымъ особамъ, правителямъ, начальству. Ну, если вы умный, а не сумасшедший, то вѣдь васъ судить надо строжайше за это ругательство надъ лицами уважаемыми по сану (не ваше дѣло судить ихъ за дѣла, вы не призваны къ тому): вы публично смеетесь и думаете оставаться безнаказаннымъ! Нѣтъ, этого быть не можетъ! Вы понесете строгое наказаніе—вы соблазняете не единаго только отъ малыхъ, а всѣ христіанскіе народы, привыкшіе по божественному праву смотрѣть съ уваженіемъ на эти лица. Вамъ, по писанію, нужно бы повѣсить камень на шею и опустить съ нимъ въ глубину морскую, вамъ не должно быть мѣста на землѣ.

* * *

Подумайте, сытый и беспечальный, богатый русскій графъ хочетъ у всѣхъ русскихъ и даже у французовъ, итальянцевъ, пѣмцевъ, австрійцевъ и даже англичанъ вырвать вѣру въ Спасителя грѣшиныхъ, имѣющаго глаголы живота вѣчнаго, во Врача всего немощнаго вѣрующаго человѣчества, въ незаходимое Солнце правды, въ Единственнаго Утѣшителя всѣхъ скорбящихъ вѣрующихъ.—Русскій народъ и все интеллигентное множество, да и все христіанско человѣчество! узнайте по плодамъ, преподнесеннымъ вами отъ Л. Толстого! Каково его ученіе, каковъ этотъ учитель.—Сынъ геенны! Не смейтесь, графъ

и вѣсъ толстовцы, надѣ этими страшными словомъ,—вы скоро насытитесь ею и погрузитесь въ нее на всю (если не локаетесь) вѣчность; графъ всѣхъ хочетъ вовлечь въ нее, какъ сатана, всѣхъ лишить Того, Кто одинъ можетъ избавить отъ нея, какъ сказано: убойтесь Того, Кто по убиеніи можетъ воврещи въ дѣбрь огненную, ей, глаголю вамъ, Того убойтесь (Мо. 10, 28). И такъ, по плодамъ этого безбожника, этого ругателя всего христіанскаго человѣчества, вы, узнаете, кто онъ. Это—антихристъ,—это звѣрь, вышедшій изъ бездны (Откр. 11, 7), съ десятью рогами (Откр. 13, 1), бодушій на всѣ четыре стороны, на всѣ страны свѣта, чтобы, если можно, хоть нѣкоторыхъ ввести въ нее съ собою на всю вѣчность.—Если бы хоть немногого вкусили графъ плодовъ Христовой вѣры, онъ никогда бы не сталъ такъ издѣваться надѣ нею и надѣ нами,—но онъ, какъ видно, ни на часть не былъ истиннымъ христіаниномъ и всегда былъ безбожникомъ. Невольно даюсь я диву, какъ въ Россіи могла появиться эта змѣя, полная яда смертоноснаго,—подивись небо, подивитесь всѣ Ангелы Божіи и всѣ Святые человѣки, какъ могъ русскій графъ сдѣлаться сосудомъ сатаны и принять въ себя всю полноту его, все его отступничество отъ Бога, всю вражду его на Бога и на вѣрующіихъ въ Бога.

* * *

Какъ древніе софисты, философы обратили даръ слова, долженствующаго выражать истину,—обратили въ игру словъ, называя бѣлое чернѣмъ, а черное бѣлымъ, или добродѣтель называя грѣхомъ, а грѣхъ добродѣтелью, такъ и Левъ Толстой потерялъ всякое уваженіе къ слову и къ истинѣ, и правдѣ, и свой писательскій талантъ обратилъ въ игру словами, мало того—на самое дерзкое, сатанинское богохульство; да еще и самого сатану превзошелъ: ибо сатана вѣритъ въ Бога и трепещетъ Его (Лак. 2, 19),—и бѣсы вѣровали въ Иисуса Христа и признавали Его громко Сыномъ Божіимъ (Лук. 4, 34), а Толстой не вѣритъ въ Сына Божія и смеется надѣ Евангельскою

истилюю. Церковь непрестанно благословляетъ Господа, Творца, Промыслителя и Спасителя и Праведнаго Судію день и ночь, а Левъ Толстой осмѣливається въ своихъ писаніяхъ хулить Его, называя Его жестокимъ и виновникомъ—ужасно сказать—страшныхъ знаменій въ людяхъ.—Слышите, народъ православный. Это подлинныя слова Толстого, я заимствовалъ ихъ изъ его печатныхъ листковъ, издаваемыхъ въ Англіи Чертковымъ, русскимъ ренегатомъ, отщепенцемъ.—Скажите, не осатанѣлъ ли Л. Толстой? Книги В. и Н. Завѣта онъ считаетъ ниже всякихъ сказокъ, называетъ ихъ безираввенственными сказками и безумнымъ, безираввенномъ дѣломъ преподаваніе ихъ дѣтямъ, а себя называетъ великимъ истиннымъ учителемъ. Какою же учитель безбожникъ, атеистъ и антихристъ!

* * *

Какъ больно сердцу, когда въ вашихъ глазахъ поносятъ святыню, которою живешь и дышешь, утыкаешься съ самой юности,—поносятъ то, что составляетъ святыню для христіанскаго человѣчества всѣхъ вѣковъ, за которую страдали съ радостю безчисленные сонмы мучениковъ, святителей, преподобныхъ и всѣхъ святыхъ, вообще лучшіе и благороднѣйшіе изъ людей, что составляетъ непреложную истину, которою просвѣщаются, пытаются и укрѣпляются умъ и сердце и все существо человѣка искренно вѣрующаго? И Левъ Толстой, какъ свинья (извините за слово), попираетъ все это своими ногами, на глазахъ всѣхъ христіанъ.—Языческие писатели Цельсь и Порфирий не ругались такъ надъ христіанскою вѣрою, какъ ругается Левъ Толстой.

Яснополянскій графъ находится въ великой прелести самообольщенія, думая серьезно, что онъ правъ. О, какъ сатана ослѣпилъ его за гордость и надменность! И сколько людей чрезъ него впали въ обольщеніе!

* * *

Какъ стремительно развиваются и требуютъ себѣ удовлетворенія животные инстинкты у безбожниковъ и без-

церковниковъ-толстовцевъ и какъ въ нихъ богоопротивно дѣйствуетъ ветхій человѣкъ, совлечься котораго Церковь учитъ каждого христіанина; между тѣмъ они-то (безбожники) сму и послѣдуютъ и исполняютъ его похоти!— Обрати ихъ и вразуми ихъ, Господи, и вложи въ нихъ свѣтъ Твой, если они способны сго принять, пока тьма адскага совѣтъ не покрыла ихъ,

* * *

Какъ вѣтки живого дерева (Всел. Симв. Вѣры), Толстой посѣкъ своимъ дерзкимъ перомъ всѣ члены христіанскаго Символа Вѣры, и хочетъ неистово, бѣшено хочетъ лишить словоцѣство и особенно христіанскій міръ спасительной вѣры, доставляющей всякому искренно-вѣрюющему величайшее утѣшеніе и опору во всѣхъ трудностяхъ и скорбяхъ жизни. Прелазий инудѣ (исзаконнимъ путемъ) той татъ есть и разбойникъ (Иоан. 10, 1). Толстой вторгается во дворъ овчій Церкви православной подпольнымъ путемъ, печатая свои богохульныя писанія за границей въ Англіи, и распространяя ихъ въ Россіи десятками тысячъ. Это настоящій татъ и разбойникъ. По плодамъ его всякой вѣрюющей можетъ узнать, что онъ именно таковъ. Не собираютъ смоквъ съ терновника и не снимаютъ винограда съ кустарника (Лук. 6, 44).

* * *

Толстой находится въ умственномъ непроглядномъ туманѣ, или во тьмѣ и сѣни смертнѣй—и это среди солнечнаго Евангельского дня—и хочетъ на всѣхъ навести эту тьмь смертную.

Онъ не признаетъ откровеній, не вѣритъ въ богоухновенность Св. Писанія и считаетъ его за сказку, церковную исторію—тоже:—все ученіе Богооткровенное считаетъ за ложь, а себя одного, свой разумъ, свое слово—одно свое слово за истину (свои рыканія, свои сочиненія). Не вѣритъ онъ, что А есть А, и учить, что всѣ исповѣдующіе христіанскую вѣру—заблудившіеся, обманутые, или самообманувшіеся, что они—жертвы гипноза, что

имъ надо пробудиться, чтобы познать толстовскія бредни, а по его понятію, истину,—чтобы почесть за источницѣ совершенства человѣческій мнимо-философскій разумъ и романическія бредни ученыхъ нехристей.

* * *

И бѣсы вѣруютъ въ Бога и трепещутъ (Іак. 2, 19), а Толстой не вѣруетъ въ Бога, а только въ таинственное, безличное начало; и въ своихъ умствованіяхъ доходитъ до абсурда. Какое памѣреніе его въ своихъ макулатурахъ, дышащихъ крайисю ненавистью его противъ Церкви?— Потрясти Церковь въ основаніи, разрушивъ вѣру христианъ въ Библію и Евангеліе, въ Богослуженіе и Таинства, и въ благодать священства.

* * *

Толстой хулить всячески вѣру христіанскую и служителей ея, не зная и не желая знать ея праведной и пелицпріятной исторіи; поноситъ ее, какъ будто она сочинена недавно какимъ нибудь обыкновеннымъ человѣкомъ ради своихъ корыстныхъ цѣлей. Чтобы знать какое-либо и обыкновенное мірское учрежденіе, надо знать его дѣйствительную исторію, происхожденіе и тогда судить объ немъ правильно; между тѣмъ Толстой не хочетъ знать исторіи вѣры и Церкви Христовой или не довѣряетъ ей и грѣшилъ противъ законовъ ума и справедливости и хочетъ видѣть въ вѣрѣ Христовой только ложь и обманъ и даже безсмыслѣ и полное противорѣчіе человѣческому разуму.

* * *

Теперь я ставлю такой вопросъ: чтобы правильно узнатъ психологическую и писательскую личность Толстого, не надобно ли обратиться къ прошедшему его жизни, къ прежнимъ его сочиненіямъ, въ коихъ виденъ умственный его складъ и его міросозерцаніе, изъ которыхъ выродились его послѣднія богохульныя сочиненія? Да, необходимо знать прежнюю жизнь Толстого, которую онъ самъ описалъ въ своемъ псевдонимѣ. И что же изъ нея видимъ?

Видимъ полную его непригодность и неспособность къ религиознымъ размышленіямъ и сочиненіямъ, полное его невѣжество въ Христовой вѣрѣ, въ учении вѣры, въ исторіи христіанскихъ святыхъ и спасительныхъ догматовъ, въ исторіи Церкви; онъ только и способенъ былъ писать: «Войну и миръ», «Анну Каренину» и проч. подобные романы,—и не его дѣло было толковать Евангеліе и понимать его по своему мірскому воззрѣнію. Толстой, какъ человѣкъ душевный, а не духовный, не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому и почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, оттого что о семъ надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14).

Толстой не вѣруетъ въ личнаго, святаго, праведнаго и праведно наказующаго грѣшниковъ Бога и истому ругается Ему,—когда читаетъ или слышитъ о праведномъ Его наказаніи грѣшниковъ, и ветхозавѣтныя казни нечестивцамъ считаетъ за выражение Его жестокости и злобы. Да истлѣеть языкъ рыкающаго на Самого Бога.

Кумиръ гнилой, ужели ты мечтаешь, что всѣ послушаютъ твоихъ гнилыхъ, высокомѣрныхъ рѣчей?

Сядешь ли ты, выйдешь ли, войдешь ли, Я знаю все, знаю дерзость твою противъ Меня. За твою дерзость противъ Меня, и за то, что надменіе твое дошло до ушей Моихъ, Я вложу кольдо Мое въ ноздри и удила Мои въ ротъ твой, какъ коню (Исаія 37, 28). Библія учитъ насъ чрезъ богодохновенныхъ своихъ писателей, особенно чрезъ пророковъ, что Богъ есть Творецъ; Промыслитель и праведный и долготерпливый Судья всѣхъ народовъ земли и всѣхъ царствъ человѣческихъ и наказываетъ одинъ народъ чрезъ другого. Толстой не признаетъ этого, онъ не признаетъ личнаго Бога, а—какое-то таинственное, безличное начало, безучастно относящееся ко всѣмъ и ко всему, и къ самому Толстому.

* * *

Яснополянскій еретикъ забылъ или выпустилъ изъ вида законъ причинъ и дѣйствій въ міровыхъ дѣяніяхъ

кровь во Мне пребывает и Азъ въ немъ. «Ядый Мою плоть и пий Мою кровь имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день», говоритъ Господь (Иоан. 6, 54). Вотъ наша христіанская, божественная философія и наше христіанское, спасительное богословіе. Вотъ нашъ отвѣтъ безбожнику, утратившему вѣру и здравый смыслъ, Льву Толстому, хулящему наши Божественные тайны.

* * *

«Истинно говорю вамъ: кто не приметъ Царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него», сказалъ Христосъ! (Мр. 10, 15). Слышишь, Левъ Толстой, змій лукавый. Какъ ты излукавился! Возгордился ты, какъ сатана, понося Св. Евангеліе, Св. Троицу, Христа Божія, Богоматерь, Святыхъ, Таинства всеспасительныя.

Разбирая послѣднее сочиненіе Л. Толстого «Обращеніе къ духовенству», нужно имѣть въ виду тѣ причины, по которымъ онъ такъ нагло обращается къ духовенству всего христіанского міра и такъ дерзко укоряетъ Церковь въ мнимой лжи и неправдѣ ея. Толстой, недавно формальнымъ, обнародованнымъ повсюду актомъ Синода отлученный отъ Церкви, не могъ простить ей этого акта отлученія, и вотъ онъ бросаетъ поношенія и самая наглая клеветы христіанскимъ церквамъ и представителямъ церквей всего міра, понося въ неправотѣ ученія всю Церковь, а ея духовенство—въ завѣдомой будто бы лжи и нерадѣніи о благѣ народовъ христіанскихъ и болѣе всего смигается надъ православною Церковью, которая законно отлучила, отсѣкла его отъ своего тѣла, какъ гнилой членъ, падший къ смерти. Вмѣсто того, чтобы смириться и покаяться въ своемъ отступничествѣ, Толстой еще болѣе возгордился, возгордился истинно сатанинскою гордостю и хохотомъ сатанинскимъ насмѣялся надъ Церковью, которая «есть столпъ и утвержденіе истины» (1 Тим. 3, 15).

Отъ словъ своихъ оправдаешься и отъ словъ своихъ осудишься. Противъ себя писалъ и пишетъ Толстой и

многіе писатели; слова ихъ и осудятъ ихъ въ день суда (Мате. 12, 30—37. Иоан. 8, 24).

* * *

Толстой и толстовцы! Своимъ безумнымъ противлениемъ истинѣ Божіей и посмѣяніемъ надъ ней, вы смѣетесь, несчастные, сами надъ собой и надъ человѣчествомъ, жаждущимъ естественно истины и лишаемымъ ея чрезъ васъ. Но вамъ предречено Истиною: «горе вамъ смѣющіеся нынѣ, яко возрыдаете». Услышите грозное слово Истины: «Богъ поругаемъ не бываетъ» (Гал. 6, 7). И Господь явить на васъ праведный гнѣвъ Свой, чтобы истребить васъ съ лица земли. Безмѣрно великой цѣны стоила для людей истина: сопствія на землю Сына Божія, вочеловѣченія Его, ученія Его и безчисленныхъ чудесъ, страданій и смерти Его и воскресенія изъ мертвыхъ. Спаситель Самъ говорилъ: «Азъ придохъ, да свидѣтельствую истину и всякъ, иже отъ истины есть, послушаетъ гласа Моего» (Иоан. 18, 37). И вы столь дорого стоявшую людямъ истину отвергаете, осмѣиваете, глумитесь надъ ней. Но Богъ поругаемъ не бываетъ,—Господь поругается вамъ.

Страшно впасть въ руки Бога живаго.—Придетъ Господь во тьмахъ святыхъ ангелъ Своихъ изобличить людей во всѣхъ дѣлѣхъ нечестія ихъ (посл. Іуд, 1, 14—15) и во всѣхъ жестокихъ словахъ, которыми говорили противъ него грѣшники нечестивые.

* * *

Прошло почти двѣ тысячи лѣтъ христіанской исторіи и славы Христа и послѣдователей Его и святой, славной спасительной Церкви, Имъ основанной на землѣ, и славной побѣдоносной борьбы Его со всякими врагами: Иродами, Кесарями, писателями—Цельсами и Порфириями, еретиками, раскольниками, сектантами, иконоборцами, врагами и гонителями всѣхъ вѣковъ, и Церковь святая осталась истинною, славною, непобѣдимою, спасительною нынѣ; и нынѣ слово ея сіяеть во всѣхъ концахъ міра. А яснополянскій дерзкій несмысленный еретикъ, знаяшій писать

только легкие игривые романы, вздумалъ вступить въ борьбу съ нашей славной, Богомъ защищаемой и хранимой и прославленной изъ рода въ родъ вѣрой и Церковю, чтобы изливать на нее желчь и клевету свою со своими соучастниками Чертковыми и подобными. Развѣ очернится наша Церковь? Развѣ она не имѣеть своей славной исторіи, да и теперь развѣ она не славна сама въ себѣ?

* * *

Испровергая вѣру въ Бога, во Христа, въ Церковь,— вы, толстовцы, испровергаете Россію, вы готовите ей политическую гибель, ибо Россія распространялась и стала сильна, просвѣщена и уважаема отъ враговъ—только чрезъ православную вѣру, чрезъ представительство и заступление Бого-Матери (Взбранной Воеводѣ побѣдительная, яко избавлящая отъ злыхъ, благодарственная восписуемъ Ти раби Твои, Богородице) и святыхъ угодниковъ Божиихъ, а особенно силою Креста Господня.

* * *

Какъ послѣ этого думаете вы, православные, о русскомъ Лѣвѣ Толстомъ, который не признаетъ ни личного Бога, ни личной бессмертной души человѣческой! Это—дерзкій безумецъ и безвѣръ въ людяхъ, врагъ не только русскихъ, но и всего человѣчества. Не вѣруя въ личного Бога, онъ, Толстой, считаетъ безмыслиемъ и глупостью молитву, которую признавали нужною люди всѣхъ вѣковъ, всякаго состоянія и всякаго культа. Онъ, безумецъ, не придаетъ значенія словамъ: Творецъ и тварь, не признавая разумнаго Творца; самъ себя онъ не считаетъ тварью, а какимъ-то эволюціоннымъ продуктомъ; и многимъ другимъ библейскимъ словамъ не придается онъ никакаго значенія, хотя бы, напр.—словамъ: Спаситель, грѣшникъ,—такъ какъ онъ считаетъ грѣхъ простымъ словомъ, несуществующимъ, а себя—безгрѣшнымъ, неимѣющимъ никакой нужды въ Спасителе, и мечтаетъ притомъ, что онъ самъ собою достигнетъ совершенства... И этотъ человѣкъ считаетъ самъ себя умнѣйшимъ, и его послѣдователи и почитатели считаютъ его таковыемъ же; онъ смеется надъ

всѣми людьми, вѣрующими въ Бога, во Христа, въ иску-
пленіе, въ свое спасеніе во Христѣ, въ воскресеніе, въ
безсмертіе, въ судъ, въ рай и въ адъ. Графъ Толстой
обезумѣлъ отъ гордости, отъ своего писательскаго титула,
отъ своего графскаго именованія! Онъ рисуется крестьяни-
номъ, лапотникомъ, но это обманъ, рисованіе собою, бро-
саніе пыли въ глаза всѣмъ, по его мнѣнію, глупцамъ, но-
сяшимъ и это крестьянское званіе и людямъ всякихъ
другихъ достоинствъ и званій. Онъ смеется и надъ зва-
ніемъ православнаго крестьянина и въ насмѣшку копи-
руетъ его. И чѣмъ онъ ввелъ всѣхъ въ обманъ?—умѣніе
всѣмъ складно, красно говорить, т. е. ученымъ свѣтскимъ
краснобайствомъ, которое, надо замѣтить, легко дается
всѣмъ одареннымъ отъ природы разумомъ, выучившимся
грамматикѣ, риторикѣ, логикѣ, и много начитавшимся
свѣтскаго краснобайства. Вотъ кто, по моему, графъ Левъ
Толстой. Онъ родился, воспитался, возросъ и допущенъ
Провидѣніемъ въ обличеніе людей нынѣшняго времени,
безвѣрныхъ, легкомысленныхъ, преданныхъ суетѣ и всякой
страсті, въ обличеніе ихъ невѣрія, безсмысля, религі-
ознаго безбожія. Писаніе говоритъ, что въ послѣднее
время, антихристово, Богъ «пошлетъ людямъ дѣйство лести,
чтобы они вѣровали лжи» (2 Іесс. 2, 11). И вотъ Тол-
стому вѣрять...

* * *

Преходитъ образъ міра сего, т. е. всего стихійнаго,
матеріальнаго, всѣхъ земныхъ порядковъ и беспорядковъ;
пройдутъ всѣ царства, всѣ языки, всѣ секты, расколы,
суевѣрія, заблужденія человѣческія; войны за преоблада-
ніе расъ, народовъ; не будетъ отдѣльныхъ терраторій для
Россіи, Германіи, Англіи и для разныхъ племенъ и наро-
довъ, прекратятся распри, ссоры, возмущенія—всѣ стра-
сти, обладающія нынѣ людьми; прекратится письменность
и печать и безконечное языковоліе и говорливость гово-
руновъ, настанетъ конецъ всѣмъ дѣламъ рукъ человѣче-
скихъ; будетъ одно царство Божіе, одинъ народъ Божій,
одинъ языкъ, непохожій ни на одинъ изъ нынѣшихъ

земныхъ, имѣвшихъ только временное, преходящее значеніе послѣ столпотворенія Вавилонскаго; будетъ одинъ Царь и Отецъ будущаго вѣка—Христосъ, надъ которымъ нынѣ глумятся безбожники съ графомъ Толстымъ во главѣ. Будетъ одинъ Богъ все во всѣхъ;—одинъ Онъ соединитъ всѣхъ въ одно царство, въ одинъ домъ, образомъ котораго нынѣ служить Церковь Христова православная со своимъ единственнымъ непогрѣшимъ, святѣйшимъ, вѣчнымъ и всемогущимъ Главою. Это будетъ вѣчное царство правды и радости во Св. Духѣ.

* * *

Прейдутъ всѣ царства съ своими земными временными постановленіями и законами, съ своими учрежденіями, сословіями, чинами, должностями; лишены будутъ богачи земные всѣхъ богатствъ земныхъ (Апок.) и всѣ земные достоинства получать свой конецъ; потребуются дѣла, и каждый будетъ судимъ по дѣламъ своимъ, какъ человѣкъ, какъ тварь по образу Божію созданная и получившая въ удѣлъ разумъ, совѣсть, законъ внутренній и внѣшній, какъ гражданинъ, какъ чадо родителей своихъ и Отца небеснаго. И вотъ это время и этотъ судъ явитъ во всей наготѣ толстовское и всякое зло. Ужаснитесь, Толстой и толстовцы, этого времени и этого суда, суда страшнаго и послѣдняго! «Аще не поқаетесь... вси погибнете» (Лук. 13, 3).